

УДК 87.329.1:316.42

ПРИРОДА И ТИПОЛОГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

А.Ю. Коркмазов

Рассматриваются природа и основные научные подходы к пониманию причин и типологизации межэтнических конфликтов.

The nature and the basic scientific approaches to understanding of the reasons and typology organization of interethnic conflicts are considered.

Межэтнические конфликты (нередко их называют в науке просто этническими) являются важнейшей проблемой в современном мире. По данным Стокгольмского международного института по исследованию актуальных проблем мира, две трети острых социальных конфликтов в середине 90-х годов XX века были межэтническими. Даже сам процесс перехода к демократизации в России и распад СССР также сопровождались острыми межэтническими напряжениями и конфликтами.

Один из значимых вопросов для понимания природы межэтнических конфликтов – вопрос об их связи с самим феноменом этничности: является ли связь между ними сущностной, заложенной в самом этническом многообразии человеческого социума, или она сугубо функциональна? Если признать правильным первый подход, то тогда арабов и евреев, армян и азербайджанцев, грузин и осетин следует признать «несовместимыми». Если же исходить из второго, то надо сделать вывод: не этничность составляет суть таких конфликтов, она по существу – форма их проявления.

В этносоциальной конфликтной ситуации обнажаются противоречия, которые существуют между общностями людей, консолидированными на этнической основе. Далекое не в каждый конфликт вовлекается весь этнос, это может быть его часть, группа, которая ощущает на себе или даже осознает противоречия, ведущие к конфликту. По существу конфликт есть способ разрешения противоречий [1]. Его назначение было и есть преодоление чрезмерно обострившихся противоречий.

Как феномен конфликт отражает стадию развития категории «противоречие», когда существующие в противоречии противоположности

превращаются в крайние противоположности (полярность, антагонизм). Эта стадия достижения отношений взаимоотрицания.

Структурные элементы конфликта – необходимые сущностные параметры явления, без наличия которых конфликт не может развиваться как динамически взаимосвязанная целостная система и процесс. Как правило, в конфликте выделяются следующие структурные элементы:

1) участники конфликта с их характеристиками (личность, малая и большая группа, позиция в социальной структуре, типические и личностные социально-психологические составляющие);

2) причины и источники конфликта, а также противоречивые цели в конфликте (главными параметрами выступают объективность – субъективность, индивидуальное – групповое – общественное осознание и формирование противоречивых целей и действий);

3) взаимодействие, т.е. всевозможные формы конфликтного поведения и действий участников, направленные на разрешение конфликта;

4) физическая и социальная среда или условия, в которых протекает конфликтный процесс (сложнейшее сочетание различных условий, включающих особенности традиций и уровень развития участников конфликта, национальный фон, кризис или подъем, экстремальные или мирные условия и т.п.);

5) последствия конфликта, которые зависят от того, как протекал конфликт, каковы его причины, условия, острота, длительность, а также его масштабы.

Конфликты могут быть самыми разными. Они могут иметь локальный характер, их течение и разрешение существенно не влияют на жизнедеятельность людей. Конфликты могут иметь глобальный масштаб, национальный и межэтнический характер, разрушать производительные силы, культурные ценности народов. Последствия конфликтов зависят от их внутренней сущности и характера протекания.

Здесь важно отметить, что самыми сложными считаются в науке национальные и межэтнические конфликты, которые возникают на эмоциональном уровне и не содержат рациональных начал.

Содержанием межэтнических конфликтов являются процессы, выражающие развитие и разрешения непримиримых противоречий, т.е. таких, которые невозможно разрешить без изменения ряда факторов взаимодействия между вступающими в него этническими группами.

Существует ряд подходов в философии, этносоциологии и этноконфликтологии в определении природы и типологии межэтнических конфликтов. Одним из них является функциональный подход к пониманию межэтнического конфликта. Он характерен для большинства этносоциологов и этноконфликтологов. Так, профессор В. А. Тишков определяет межэтнический конфликт как любую форму «гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий» [2].

Другого определения в понимании этого феномена, по его мнению, дать невозможно, поскольку межэтнический конфликт «в чистом виде» вычленив нельзя по причине того, что его в природе просто не существует. Действительно, в мире случаев, когда один этнос вступает в конфликт с другим из-за этнических различий или каких-то внутренне, изначально им присущих антагонизмов, практически не известны. И вообще наукой не доказано, что такие антагонизмы существуют в человеческой природе. Примерно так же определяют межэтнические конфликты и некоторые зарубежные ученые [3].

По официальной версии, бытовавшей в СССР, конфликты в нашей стране явились следствием отступления от ленинской национальной политики. Одни ученые видели это отступление в сталинских политических репрессиях, депортациях целых народов, в декларативном характере

федеративных отношений в обществе. Такая версия по сути давалась на последнем XXVIII съезде КПСС, на последнем пленуме ЦК КПСС, посвященном национальной политике и национальным отношениям в советское время.

Другие ученые, в частности профессор В. И. Козлов, считают, что отступление от ленинской национальной политики было допущено тогда, когда большевики отошли от ориентации на единое централизованное государство в бывшей Российской империи и согласились на федеративное устройство в бывшем СССР [4].

С предложением решить этносоциальные проблемы путем пересмотра принципа федеративного государственного устройства в России, перехода к национально-культурной автономии для всех наций и этнических групп как на федеральном уровне страны, так и на уровне территорий с образованием 15 – 20 федеративных земель, выступил в 1994 году профессор Г. Х. Попов. Он высказал эту идею в статье в «Независимой газете» 26 января 1994 года. Однако после заключения Договора между федеральным Центром и руководством республики Татарстан Г. Х. Попов, выступая по центральному телевидению в дискуссии с известным политологом Ф. М. Бурлацким, признал, что наилучшим способом решения этносоциальных проблем является вариативный подход к ним, и привел в качестве примера приостановку конфликта в случае с Татарстаном.

Как следствие коммунистического тоталитарного политического режима рассматривал межэтнические конфликты этносоциолог и конфликтолог И. М. Крупник, считавший, что эти конфликты есть «возвращенное насилие прошлого» [5].

Кроме политических версий была предложена учеными и политическими деятелями новая модель социально-структурных изменений в обществе как основы противоречий, приводящих к конфликтам. Они считают, что в основе межэтнической напряженности в стране лежат

процессы, связанные с современной модернизацией и интеллектуализацией общественного разделения труда. Это процессы, без которых метрополия в бывшем СССР не могла развиваться, как и его регионы. Они якобы привели к тому, что в престижных видах деятельности нарастала конкуренция в стране между представителями титульных этносов и русскими. У многих народов к концу 70-х годов XX века не только сформировалась полиструктурная интеллигенция (т. е. помимо административной и занятой в сфере просвещения, в основном в 30 – 60-х годах XX века, появилась еще и научная, художественно-творческая, а у некоторых этносов – и производственная), но и сложились новые этносоциальные ценности и представления, в том числе о самодостаточности и важности большей этнической самостоятельности. Такие представления и ценности в то время не совпадали с теми, которые были у русских в республиках Союза ССР. Большинство из них приезжали сюда с установкой помогать местному населению, а следовательно, они и ощущали себя по статусу выше местного населения, титульных этносов [6].

Этот подход в понимании данной проблемы акцентирует внимание на том, что на определенном историческом отрезке времени происходят изменения в потенциале этноса и этнических групп, претендующих на привилегированные, престижные места, в том числе и в структурах власти. Изменяются и ценностные представления этнических общностей и групп. Подобная ситуация наблюдалась ранее (к 70-м годам XX века) в Европе, когда менялась диспозиция в положении валлонов и фламандцев в Бельгии; в Канаде, когда франкоканадцы стали догонять по социальному и экономическому потенциалу англоканадцев. Такая ситуация может сохраняться в обществе достаточно долго после заявления претензий на этносоциальное изменение. Но так продолжаться может в социальной структуре до тех пор, пока центральная власть сильна (в том числе при тоталитаризме). Если же она теряет свою легитимность, как это случилось в

СССР (во всяком случае в конце 80-х – начале 90-х годов XX века), то появляется шанс не только высказать этнические претензии, но и реализовать их. Дальнейшее развитие событий – эскалация или свертывание этнического конфликта – во многом зависит от состояния и деятельной потенции центральной власти.

Конечно, выдвигая такой подход в понимании межэтнических конфликтов, философы и этносоциологи считают, что предлагают одно из объяснений, которое в ряде случаев может быть даже главным, но не для всех конфликтов. В каких-то из них социологический параметр можно найти, рассматривая процесс формирования «образа врага» вокруг этноса и этнической группы, скажем, экономических посредников, «экономического бизнеса», как это было в отношении турок-месхетинцев в Узбекистане или «лиц кавказской национальности» на городских российских рынках. Социальный «запал» этнического конфликта может содержать безработица, охватывающая ту или иную этническую общность или группу в полиэтничном социуме. Потенциально эта опасность до сих пор существует и в ряде случаев проявляется в республиках Северного Кавказа. Однако только подобными причинами нельзя объяснять этнополитические процессы в Прибалтийских республиках, в Грузии, на Украине. Подход к объяснению причин межэтнических конфликтов с точки зрения социально-структурных изменений в этносах и этнических группах помогает понять глубинные, сущностные причины именно таких крупных конфликтов.

Профессор В. А. Тишков считает, что в целом «соревновательность и конкуренция в сфере трудовых отношений и экономических взаимодействий редко когда могут быть названы в числе основных факторов крупных конфликтов» [7]. Но в таком утверждении, как нам представляется, наличествует упрощение подхода, который автор называет социологическим.

Во-первых, социологические подходы по своей сути разные; во-вторых, данный подход (с точки зрения социально-структурных изменений)

имеет в виду не только соревновательность в сфере трудовых отношений (применительно к этой сфере чаще говорят о занятости) и экономических взаимодействий, но и конкурентность в сфере власти и управления, чему В. А. Тишков придает практически основное значение.

Если говорить о современной западной социологии, то вышеуказанный подход близок к объяснительной концепции конфликтов крупнейшего американского социолога Т. Парсонса в рамках структурно-функциональной модели, которую признают и в чем-то дополняют также и другие исследователи [8].

Приходится сожалеть, что в советский период никто из обществоведов не мог предположить, что межэтнические конфликты после развала СССР так радикально могут проявиться в постсоветском пространстве. В то время этническими конфликтами в СССР ни философы и социологи, ни политологи и этнологи вообще не занимались, да и не могли заниматься в условиях тоталитаризма.

В работе профессора А. Г. Здравомыслова «Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве», которая вышла после того, как начались острые межэтнические конфликты в СССР и на постсоветском пространстве, причины конфликтов объясняются очень близко к тому, как они теперь представляются в научных исследованиях. Главная причина возникновения такого рода конфликтных ситуаций ныне усматривается в стремлении этнических групп, вновь вовлекаемых в политический процесс, дать свою интерпретацию национальных интересов сообщества [9].

Помимо структурно-функционального подхода в объяснительных моделях причин межэтнических конфликтов существуют также поведенческие концепции. Они не отрицают значения социально-структурных факторов в конфликтных ситуациях, но тем не менее акцентируют свое внимание на социально-психологических механизмах, стимулирующих конфликт. В рамках поведенческих концепций конфликта

широко известна теория фрустрации агрессии (Д. Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц). Напомним, что фрустрация есть состояние опасности от ущерба, нанесенного социальной группе, стресс, ощущаемый как препятствие в осуществлении ее цели, которые, согласно данной теории, ведут к агрессии.

Философы, социологи и политологи, изучая реальные социально-политические и духовно-нравственные ситуации, обогатили эту теорию конкретным содержанием [10]. Так, западноевропейский ученый Т. Гурр, под руководством которого было проведено кросс-национальное исследование в 114 странах мира, показал значение в межэтнических конфликтах опросительного исследования [11]. При этом им не просто подчеркивалась опасность такого исследования в связи с ухудшением условий жизни этнической группы, но сама она рассматривалась как разрыв между ценностями-ожиданиями людей и возможностями их реализации.

В этой связи стоит вспомнить, как часто на бытовом уровне, да и среди профессионалов, можно слышать: вот если бы у нас не было экономических трудностей и «все жили бы хорошо», то никаких межэтнических конфликтов не было бы. Но ведь и в Канаде, и в Бельгии все живут неплохо, а межэтнические конфликты происходят.

Многие философы, социологи и политологи в рассматриваемой проблеме обращают свое внимание на то, что к поиску «образа врага» в общественных отношениях приводит не просто плохое материальное положение людей. Они переносят акцент в этих отношениях именно на ожидания и ориентации народов, реализовать которые оказывается невозможно в определенные периоды их жизнедеятельности.

Если обратиться к сложившейся этносоциальной ситуации Советского Союза в конце 1970-х и в 1980-х годов, то и здесь можно найти подтверждение данной точки зрения. Именно в этот период улучшение этносоциальной ситуации в обществе способствовало возрастанию потребности и усилению ожидания народов, что сделало необходимым

новый прорыв в области общей модернизации. Вместо этого, к сожалению, в нашем обществе начались другие процессы: ухудшение экономического положения населения и нарастание политической нестабильности. Страх и неудовлетворенность перед социальной неопределенностью росли у людей всех национальностей. А те народы в бывшем СССР, которые как раз переживали период перехода от традиционного общества к современному, стали переносить свою неудовлетворенность на союзную центральную власть, порой на русских, которые ассоциировались с этой властью.

Нереализованные ожидания часто бывают присущи этносам и этническим группам, которые располагают значительным интеллектуальным потенциалом, духовными ценностями, но не имеют соответствующего им представления о себе высокого престижа и социального статуса. Исследователь данного феномена Г. Ленски в свое время обратил внимание на то, что такие статусные несоответствия создаются большинством внутри этнической группы и стимулируют конфликты [12]. Ситуация в Карабахе, где армяне являлись более образованной группой и имели больший достаток, но не были допущены во властные структуры в той мере, в какой они считали справедливым, создавала у них постоянное чувство ущемленности, неуверенности, несправедливости.

Некоторые исследователи считают, что от нереализованных ожиданий берет свое начало и теория человеческих потребностей. Согласно этой теории, расовые и этнические группы испытывают чувства глубокой отчужденности и враждебности по отношению к тем народам, которые, с их точки зрения, являются «виновниками» отсутствия у них «необходимых условий развития» и удовлетворения жизненно важных потребностей.

Отказ этнической общности или группе в удовлетворении ее базовых потребностей, включая потребности в идентичности и безопасности, вызывает у них «страх уничтожения». Это, по мнению Гурра, делает этнические конфликты постоянным и неизбежным элементом социально-

политической системы общества. Исходя из такого положения, даже предпринимались попытки создания списков «меньшинств риска», которые не только ощущали систематическую дискриминацию, но уже и предпринимали политические действия ради того, чтобы отстаивать свои интересы перед государствами, претендующими на управление ими [13].

В доказательство несостоятельности данной объяснительной концепции многие ученые приводят следующие аргументы: 1) этнические группы не являются настолько сплоченными, чтобы все время бороться за свою идентичность. Противоречия внутри этнических групп бывают не менее разрушительными, чем между группами; 2) «инициируют» насилие не те этнические группы, которые больше всего обездолены с точки зрения «базовых потребностей»; зачинщиками подавления «других» являются более крупные этнические общности (точнее, представители их элит), которые обладают титульным статусом и хорошо развитыми культурными институтами; 3) проведенные исследования и другие данные по этничности в состоянии конфликта не подтверждают тезис о глубоко укоренившемся межэтническом отчуждении и ненависти; 4) опасно применять тезис, который делает легитимным понятие «насилие из-за групповых потребностей» [14].

Последние два аргумента, по нашему мнению, совершенно бесспорны. Первый верен для состояния этнической группы вне острого межэтнического противоречия; в ситуации же начавшегося межэтнического конфликта внутригрупповые противоречия обычно затухают. Что касается второго аргумента, то возникновение конфликтов происходит по-разному, и, видимо, вряд ли возможно постичь в реальности, какие варианты преобладают. Но очевидно, что насилие инициируется титульной этнической общностью тогда, когда она, выдвигая свои требования, заявляет о претензиях в открытой форме. В таких ситуациях выбор пути, формы решения конфликтов в значительной степени зависят от этнократии и элит конфликтующих

сторон.

Вопрос о роли этнократии и элит – один из важнейших при интерпретации причин конфликтов. Он органичнее всего вмонтирован в *концепцию коллективного действия*, которая в историко-социологическом и политическом аспектах разработана в трудах американского ученого Ч. Тилли и его последователей [15].

Теория коллективного действия заслуживает серьезного внимания при объяснении межэтнических конфликтов. Главным в ней является обоснование первенствующего значения коллективных интересов, которые побуждают людей действовать во имя этих интересов, выбирая те или другие формы действий. Наложение коллективного интереса на возможность его достижения рассматривается как механизм, формирующий действия. Борьба между этническими группами ведется не вообще, а по поводу конкретных вопросов [15]. По мнению Тилли, в наибольшей мере мобилизуют людей в конфликтной ситуации вопросы политической жизни, связанные с борьбой за власть.

Одним из первых среди российских ученых о роли власти в этнических конфликтах высказался В. А. Тишков. Он пишет: «Именно вопрос о власти, о стремлениях элитных элементов в обществе к ее обладанию, о ее связи с материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и привилегиям является ключевым для понимания причин роста этнического национализма и конфликтов» [16].

Этому вопросу большое значение придают философы, социологи и политологи, в частности Р. Г. Абдулатипов и ряд других исследователей. Они считают, что в определении природы и типологии межэтнических конфликтов данный подход не лишен определенной слабости, так как не позволяет объяснить массовой этнической мобилизации, интенсивности чувств, этнического группового стремления к реализации целей.

В средствах массовой информации при раскрытии причин и форм

проявления межэтнических конфликтов по отношению к этнократии и элите нередко употребляются термины «этнические предприниматели», «этнические активисты», «манипуляторы». Часто эти эмоциональные оценки дают люди, которые устали от таких конфликтов, переживают за группы, вовлеченные в них и страдающие от насилия. Но бывает, что подобные стереотипы намеренно насаждаются в общественном сознании для того, чтобы «закрыть глаза» на реально существующие этносоциальные противоречия.

Этническое «манипулирование» нельзя правильно осмыслить и оценить без изучения всего комплекса причин, процессов и условий протекания конфликтов. Как справедливо подчеркивают исследователи данной проблемы А. А. Попов и В. Н. Стрелецкий, «манипуляции опасны тогда, когда существуют некие предпосылки для того, чтобы они увенчались успехом»; «такие предпосылки должны быть актуализированы, операционально сориентированы, морально легитимизированы». Абсолютизация роли этнократии или элиты в борьбе за власть как источнике конфликтов дискредитирует само понимание причины конфликтов и порождает мифы [17].

Таким образом, раскрыть природу и причины межэтнических конфликтов, исходя из одного концептуального подхода, нельзя потому, что, во-первых, конфликты имеют свою специфику, а во-вторых, основы их могут меняться в ходе эскалации конфликтов, особенно если они затяжные.

Анализируя межэтнические конфликты в Российской Федерации и странах Ближнего зарубежья, коллектив Центра этнополитических и региональных исследований под руководством Э. А. Паина пришел к выводу: будет целесообразным выделить исторические причины возникновения и эскалации конфликтов. К ним были отнесены в бывшем СССР несправедливости административно-политической иерархии народов (союзные, автономные республики, автономные области, округа и т. д.);

произвольная перекройка границ национальных образований; депортации народов при сталинизме [18].

Как результат насилия рассматривается и несбалансированность преобразований общества, когда социальное и экономическое неравенство, конкуренция на рынке труда, земли и жилья перерастают в межэтнические конфликты. Такова, по мнению ученых и многих политиков, природа конфликтов-бунтов в постсоветском пространстве: ферганских в Узбекистане (1988 г.), душанбинских в Таджикистане (1990 г.), ошских в Киргизии (1991 г.) и других подобных событиях. Чаще всего этнические группы в этих странах, «подвергшиеся нападению», выступали в роли «козла отпущения».

Переход к демократизации в обществе, сопровождавшийся борьбой старых и новых политических элит, стал детонатором, который и в современной России привел к тому, что борьба «приобрела этнополитическую окраску». К обострению межэтнических конфликтов приводили неумелые, непоследовательные шаги по преобразованию СССР в реальную федерацию. Попытка силой остановить дезинтеграционные процессы в союзных республиках (тбилисские события 1989 г., бакинские 1990 г., вильнюсские 1991 г.) закончились конфликтной ситуацией, приведшей к этническим конфликтам.

Некоторые межэтнические конфликты в научной литературе и средствах массовой информации рассматриваются как следствие распада Союза ССР, когда в отделившихся союзных республиках в борьбу «за свою долю политического и территориального наследства» вступили бывшие автономии или желавшие ее получить (Абхазия, Южная Осетия в Грузии, Приднестровье в Молдове, Карабах в Азербайджане).

Э. А. Паин, А. А. Попов и другие исследователи в этой сложной противоречивой проблеме видят причину межэтнических конфликтов в целенаправленных действиях некоторых политиков по их разжиганию. Они приводят примеры использования политической оппозицией конфликтов для

захвата власти (к примеру, так действовали в борьбе с Э. А. Шеварднадзе и его этнократией сторонники бывшего президента З. Гамсахурдия в Грузии, провоцируя эскалацию конфликта в Южной Осетии). Они также считают, что такие конфликты используются элитой и этнократией как средство удержания власти. Так, когда радикально-настроенная политическая оппозиция в Молдове выступала за решительные военные действия против Приднестровья, руководство республики выбрало тактику действий «на опережение».

Для ученых и некоторых политиков важен еще один фактор, отмеченный Э. А. Паиным и другими исследователями, – растущая взаимная отчужденность народов. Этнофобия и ксенофобия, усиливающиеся в сознании отдельных слоев населения в постсоветском пространстве вследствие вооруженных конфликтов, становятся настолько сильными, что оказывают давление на официальную власть, снижая ее готовность к диалогу и урегулированию конфликтов с формирующейся новой этнической элитой.

К инерционным механизмам межэтнических конфликтов относят и так называемые «ответные действия». Сумгаитский погром, вызвавший отток армянского населения из Азербайджана, спровоцировал армянскую реакцию против азербайджанцев в Армении. Ответом на это явилась резня армян в г. Баку. Вариантом инерционных действий в межэтнических конфликтах могут стать самостоятельные операции отдельных локальных групп, их решения о несанкционированных военных действиях. Например, в Карабахском конфликте не раз шла речь о несанкционированном действии полевых командиров, то же было и в Южной Осетии, Абхазии, Чечне.

Любопытной попыткой вообще уйти от предварительных концептуальных моделей при изучении этнического конфликта явилось интересное описание Ошского конфликта В. А. Тишковым, который использовал метод следования за текстуальной версией событий в судебных приговорах, «тематизируя описание» конфликта [19]. Этот подход к анализу

конфликта, в том числе его причин, скорее всего надо квалифицировать как *антропологический*.

Конфликты в общественных отношениях «раслаиваются». Поэтому важно не только установить основные причины конкретного конфликта, но и увидеть многообразие всех составляющих его факторов.

При разнообразии объяснительных моделей конфликтов адекватность выбора конкретной модели зависит от типа того конфликта, который происходит на определенном этапе общественного развития в том или ином социуме.

В науке сложились два принципа классификации межэтнических конфликтов: один – по характеру действий конфликтующих сторон, второй – по содержанию конфликтов.

Одними из первых межэтнические конфликты типологизировали Э. А. Паин и А. А. Попов. Во всяком случае они опубликовали первую статью по этническим конфликтам в СССР [20]. Они выделяют «*конфликты стереотипов*», т.е. ту стадию конфликта, когда этнические группы могут еще четко не осознавать причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ «недружественного соседа», «нежелательной группы». В качестве примера эти ученые приводят армяно-азербайджанские отношения. Действительно, этносоциологические и этнологические исследования задолго до этого конфликта фиксировали взаимные негативные стереотипы у армян и азербайджанцев.

Другой тип конфликта Э. А. Паин и А. А. Попов называют «*конфликтом идей*». Характерной чертой таких конфликтов (или их стадий) является выдвижение тех или иных конфликтующих притязаний друг против друга. В научной литературе и средствах массовой информации обосновывается «историческое право» этноса на свою государственность (к примеру, Эстония, Литва, Грузия, Татарстан), на этническую территорию (Армения, Азербайджан, Северная Осетия, Ингушетия). В ходе

этнонациональных движений разрабатываются основные теории и идеологические объяснения, что уже политически мобилизует этнос. Это есть уже проявление начала межэтнического конфликта.

Третий тип этнического конфликта – «*конфликт действий*». К этому типу относятся митинги, демонстрации, пикеты на этносоциальной основе, принятие соответствующих институциональных решений, вплоть до открытых межэтнических столкновений.

Оценивая приведенную классификацию межэтнических конфликтов, можно сказать, что в ней отражены скорее стадии или формы конфликтов. Но такая оценка была бы неточной. В защиту авторов типологизации межэтнических конфликтов говорит уже тот факт, что бывают конфликты, которые остаются только «конфликтами идей». На съездах русских общественных движений, например, в Конгрессе русских общин, можно было услышать призывы «Россия для русских», но до открытых конфликтов на этой почве дело не доходило.

Другая типологизация межэтнических конфликтов по основным целям, содержанию требований была предложена другими учеными в 1992 – 1993 гг. Исходя из оценки этносоциального опыта конца 80-х начала 90-х годов XX века, они выделяют следующие типы этнических конфликтов.

Первый тип – статусные институциональные конфликты в союзных республиках бывшего СССР, переросшие в борьбу за независимость. Как уже отмечалось, суть таких конфликтов могла быть не этнонациональной, но этнополитический параметр в них присутствовал непременно, как и мобилизация по этническому принципу. Национальные движения в Эстонии, Литве, Латвии, Армении, на Украине, в Грузии, Молдове с самого начала выдвигали требования реализации этнонациональных интересов. В процессе развития этих движений от этнонациональных требований переходили к требованиям государственной независимости, но мобилизация по этническому принципу оставалась.

Основная форма конфликтов этого типа была институциональной. Так, острый конституционный конфликт возник тогда, когда Эстония, а за ней и ряд других союзных республик бывшего СССР приняли поправки к своим конституциям, внося в них приоритетное право на использование местных ресурсов и верховенство республиканских законов. Президиум Верховного Совета СССР отклонил эти поправки. Однако решения законодательных органов некоторых республик (Эстонии, Литвы, Латвии) поддерживало большинство титульных наций. Поэтому есть все основания относить эти институциональные (конституционные) конфликты к этнонациональным, которые переросли в движение за независимость республик. По такому же сценарию развивались события в Грузии, Молдове и ряде других союзных республик в то время.

Второй тип конфликтов – статусные конфликты в автономных республиках, автономных областях в Российской Федерации, возникшие в результате борьбы за повышение статуса республики или его получение. Это характерно было для многих автономных образований страны. Они желали достижения конфедеративного уровня отношений в составе России. Более того, они стремились поднять свои автономии до уровня союзных республик, в частности Татарстан. Впоследствии, после создания независимой России, радикальная часть национального движения Татарстана поставила вопрос об ассоциированном членстве республики в Российской Федерации. Конфликт завершился подписанием Договора между государственными органами Российской Федерации и государственными органами Татарстана, который содержал элементы как федеративных, так и конфедеративных отношений.

Заметим, что этот конфликт имел не только институциональный характер, поскольку с конца 1980-х и вплоть до 1993 г. акции правительства Татарстана сопровождались достаточно высокой этнонациональной мобилизацией татар в республике.

За конфедеративный тип отношений боролась элита Башкортостана,

Тувы, но там не было массовых национальных движений. Такого же типа временные конфликты имели место в автономных областях РФ, претендовавших на статус республик (четыре из пяти автономных областей в составе Российской Федерации получили этот статус). За повышение статуса республики до уровня конфедеративных отношений борются ныне и абхазы в Грузии. К этому типу конфликтов можно отнести и движения за создание своих автономных образований, например, ногайцев и лезгин в Дагестане, абазин в Карачаево-Черкесии.

Третий тип конфликтов – этнотерриториальные. Это, как правило, самые трудные для урегулирования противостояния. На постсоветском пространстве было зафиксировано 180 этнотерриториальных споров [21]. По мнению В. И. Стрелецкого – одного из разработчиков банка данных этнотерриториальных притязаний в геополитическом пространстве бывшего СССР в Институте географии РАН, к 1996 году сохраняли актуальность 140 территориальных притязаний.

Конечно, не все заявленные притязания перерастают в конфликт. Специалисты считают, что к таким конфликтам следует относить споры, ведущиеся «от имени» этнических общностей относительно их прав проживать на той или иной территории, владеть или управлять ею. В. Н. Стрелецкий, например, считает, что любое притязание на территорию, если оно отрицается другой стороной – участницей спора, уже есть конфликт [22]. Здесь необходимо определить, какой это конфликт – конфликт представлений, идей или уже действий. Большинство этнотерриториальных споров исходит от политических элит, правительств, движений. И далеко не всегда такие споры захватывают этнические общности или группы.

К межэтническим (или этническим) конфликтам следует отнести те ситуации, в которых идеи территориальных притязаний «обеспечивают» этническую мобилизацию. Исходя с этих позиций, мы должны признать, что число этнотерриториальных конфликтов, несомненно, меньше, чем точек

территориальных споров. Например, в Калмыкии, потерявшей в годы сталинских репрессий часть своей территории, ныне не возникают претензии по этому поводу. В то же время ингушко-осетинский конфликт за территорию Пригородного района и часть Владикавказа перерос осенью 1992 года в открытые военные действия.

Территориальные споры часто возникают в ходе реабилитационного процесса, касающегося репрессированных народов. Другие конфликты, связанные с репрессированными народами, имели места по поводу восстановления территориальной автономии (немцы Поволжья, крымские татары) или правовой, социальной, культурной реабилитации (греки, корейцы и др.); турки-месхетинцы стремились вернуться на территорию прежнего проживания в Грузии.

Четвертый тип – конфликты межгрупповые (межобщинные). Именно к такому типу относятся конфликты, подобные тем, которые были в Якутии (1986 г.), в Туве (1990 г.), а также русско-эстонский в Эстонии, русско-латышский в Латвии и русско-молдавский в Молдавии. Причем, если первые два имели характер межгрупповых столкновений, переросших в демонстрационные формы противостояния, а в Туве – и в последующий отток русских из зоны конфликта, то межгрупповые конфликты в Эстонии, Латвии были связаны, с одной стороны, с дискриминационными мерами правительств этих республик, направленными на «вытеснение» русскоязычного населения, акциями национал-экстремистов, а с другой – организацией сопротивления.

Формирование и типологизация этнических конфликтов в содержательном отношении, на основе целевых устремлений конфликтующих сторон получает все большую позитивную оценку и распространение в научных исследованиях. В работе профессора В. А. Авксентьева «Этническая конфликтология» анализируются механизмы зарождения и развития этнических конфликтов в постсоветском

пространстве. Он четко выделяет следующие этапы их формирования:

1) возникновение, обычно в среде творческой интеллигенции, инициативного ядра из числа сторонников этнического возрождения того или иного народа, реставрации национальных традиций, обычаев и обрядов, восстановления прав родного языка;

2) институциализация культурно-просветительной деятельности в виде партий или движений;

3) расширение социальной базы этих движений, обычно за счет политизации их деятельности (проведение массовых демонстраций, митингов, издание оппозиционных газет, пропагандистской литературы и пр.);

4) дальнейшая идеологизация изначальных установок движения, закрепляемых в виде клишированных стереотипов сознания, служащих мотивировкой для экстремистских действий [23].

Конечно, типологизация межэтнических (или этнических) конфликтов в научной литературе по своей сути интересна, но в тоже время достаточно условна, поскольку нередко в одном конфликте соединяются несколько разных целей и содержаний. Например, в Карабахском конфликте были воедино связаны и территориальные споры, и споры за повышение статуса автономии, и борьба за независимость. Ингушко-осетинский конфликт – это конфликт и территориальный, и межреспубликанский, и межобщинный (на территории Северной Осетии). Поэтому многие исследователи говорят о «кластерах» конфликтов. Такое понимание вышеназванных конфликтов дает основание для их регулирования. Сам процесс регулирования конфликтов связан с формой, длительностью, масштабами их проявления.

Самый простой принцип определения формы межэтнического (или этнического) конфликта – это отнесение его к ненасильственным или насильственным. Но те и другие бывают разными. Центр этнополитических и региональных исследований среди насильственных конфликтов на

территории Российской Федерации и стран Ближнего зарубежья выделяет следующие:

региональные войны (пять из них длительные – не менее нескольких месяцев), т.е. вооруженные столкновения с участием регулярных войск и использованием тяжелого вооружения. Это Карабахский, Абхазский, Чеченский, Южноосетинский, Приднестровский конфликты;

краткосрочные вооруженные столкновения, продолжавшиеся несколько дней (около 20 дней) и сопровождавшиеся жертвами. К ним относятся, в частности, столкновения в Фергане, Оше, осетино-ингушское, а также в Сумгаите. Такие столкновения в философии и этносоциологи называют «конфликтами-бунтами», «конфликтами-погромами», «конфликтами неуправляемых эмоций».

Другие конфликты относятся к *невооруженным*. Их в Центре этнополитических и региональных исследований насчитывают на постсоветском пространстве более 100. Среди них достаточно четко, на наш взгляд, выделяются *институциональные* формы этнического конфликта, когда в противоречие приходят нормы конституций, законодательства, реализующие идеологемы конфликтующих сторон. Не всегда такая форма конфликтов сопровождается межобщинными конфликтами. Например, во время острого институционального, конституционного конфликта Татарстана с федеральным Центром РФ, при несомненном росте межэтнической напряженности внутри республики, конфликт между татарами и русскими не наблюдалось, что и было зафиксировано этносоциологическими и этнополитологическими исследованиями в 1994 и 1995 гг.

Еще одна форма – *манифестирующие* проявления конфликтов, к числу которых следует отнести митинги, демонстрации, голодовки, акции «гражданского неповиновения».

Наконец, как уже говорилось, существует идеологическая форма конфликтов, когда разгорается «конфликт идей».

Каждая из указанных форм этнических (или межэтнических) конфликтов отличается «действующими лицами» или основными субъектами конфликта. При доминирующей институциональной форме главными действующими лицами являются властные структуры, политические партии, организаторы общественных движений, обычно действующие через институты власти.

При манифестирующей форме конфликта субъектом выступают уже значительные массы людей. Поэтому данную форму называют еще конфликтами «массовых действий». Конечно, понятие «массовые действия» относительное, тем не менее в зонах конфликтов всегда четко различаются действия отдельных этнических групп и массовые выступления. Это проявлялось в последнее время в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии на выборах при формировании властных структур и распределении материальных и природных ресурсов в условиях рыночных экономических отношений и демократизации общественных отношений.

И, наконец, участниками идеологических по форме этнических конфликтов являются этнократия и группы этнической элиты – политической, научной, художественно-творческой. Их идеи транслируются работниками средств массовой информации и сферы образования. В традиционных и переходных обществах, например, на Северном Кавказе, роль «трансляторов идей» выполняют также старейшины, «авторитетные люди» в регионе.

Особую роль в развитии межэтнических конфликтов, в том числе в придании им массовой формы, играют средства массовой информации. Любая искаженная информация, неуместные определения, эпитеты быстро накаляют страсти. Одно только употребление слова «бандиты» применительно к чеченцам в целом усиливало у них раздражение, враждебное отношение к другим гражданам. Использование образа «наши войска», «наши мальчики» создавало у них представление о том, что

чеченцы – «не наши». Изоляция от информационных каналов федеральной армии и передача сообщений только с чеченской стороны также искажали картину конфликта.

В зонах этнополитических, идеологических и институциональных конфликтов (в частности, на Северном Кавказе, в Татарстане, Саха (Якутии), Туве) распространено устойчивое мнение о необъективности отражения ситуации в республиках центральными средствами массовой информации, и это создает напряжение в межэтнических отношениях титульных национальностей и другой части населения.

Если все формы ненасильственных этнических конфликтов имеют последствием психологические напряжения, обострения в этнических группах, то насильственные этнические конфликты сопровождаются жертвами, потоком беженцев, принудительными депортациями (когда люди не только сами бегут от войны, но их и изгоняют), вынужденными переселениями. Так, за годы армяно-азербайджанского конфликта имели место не только массовые жертвы, но не менее 160 тыс. азербайджанцев было изгнано из Армении, и не менее 250 тыс. армян – из Азербайджана, общее число беженцев из этих республик по разным оценкам составляет от 500 до 700 тыс. человек.

Число беженцев и вынужденно уехавших из-за конфликта в Южной Осетии (осетин и грузин) оценивается примерно в 100 тыс. человек. Не менее 600 человек погибло и свыше 50 тыс. стали беженцами и вынужденными переселенцами в результате осетино-ингушского вооруженного конфликта.

Громадные человеческие жертвы принес «чеченский конфликт». По данным Федеральной миграционной службы, количество только зарегистрированных с 8 декабря 1994 года по апрель 1995 года беженцев из Чечни составило 302,8 тыс. человек [24]. Здесь мы не приводим данные второй «чеченской войны». Они пока еще требуют определенного уточнения.

Заключая сказанное по данной проблеме, важно отметить, что

конфликты как феномен протекают в двух диалектически взаимосвязанных формах: противоречивых психологических состояниях и открытых противоречивых действиях сторон на индивидуальном и групповом уровнях.

Что касается межэтнических конфликтов, то на их развитие влияют не только причины, приводящие к ним, но и следующие обстоятельства:

во-первых, то, насколько широко они разрастаются, какое охватывают пространство;

во-вторых, какова их этносоциальная обусловленность и специфика проявления.

Здесь имеют значение также интенсивность и время развития этнического конфликта, поскольку, например, чем затяжнее конфликт, тем сложнее выходить из него.

Конечно, немалую роль играет в этническом конфликте то, какого типа субъекты вовлечены в конфликт. Как показали последние события на постсоветском пространстве, это могут быть и достаточно массовые этнонациональные движения типа тех, что наблюдались в республиках Прибалтики, Армении, Грузии, и религиозно-политический экстремизм, активно проявившийся на Северном Кавказе в форме терроризма. Он нередко использует в своей практике «исламское прикрытие», хотя не имеет ничего общего с традиционным исламом как религией.

Литература

1. Козер Л. А. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль. – М., 1996. С. 543.
2. Тишков В. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997. С. 480.
3. Stavenhagen R. The Ethnic Question: Conflicts, Development and Human Rights. – Tokyo, 1990.
4. Козлов В. И Национальные проблемы: как их решать // Труд. 1989. 11 сентября.
5. Крупник И. М. Национальный вопрос в СССР: поиски объяснений // Советская этнография. 1990. № 4.
6. Дробижева Л. М. О новом мышлении в межнациональных отношениях // Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. – М., 1989; Дробижева Л. М. Русские в новых государствах. Изменение социальных ролей // Россия сегодня: трудные поиски свободы. – М., 1993.
7. См.: Тишков В. А. Указ. соч. С. 311.
8. Аклаев А. Р. Проблема насилия в межнациональных конфликтах // Социальные

Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия «Гуманитарные науки» №1 (13), 2005. ISBN 5-9296-0241-7

© Северо-Кавказский государственный технический университет (СевКавГТУ), <http://www.ncstu.ru>

- конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 3. Ч. II. – М., 1993. С. 8 – 11.
9. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1997. С. 7.
 10. Dollard J., Doob L. W., Miller N. E., Mowrer O. H., Sears R. R. Frustration and Aggression. New Haven and London, 1993.
 11. Gurr T. R. Why Men Rebel. – Princeton, 1971.
 12. Lenski G. Power and Privilege. – New York, 1966.
 13. Gurr T. R. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts.– Washington, 1993. P. 315.
 14. Тишков В. А. Указ. соч. С. 321 – 322.
 15. Tilly Ch., Tilly L., Tilly R. The Rebellions Century (1930). – Camgridge, 1975.
 16. См.: Тишков В. А. Указ. соч. С. 313.
 17. Попов А. А. Причины возникновения и динамика развития межнациональных конфликтов в пост-СССР: Тезисы доклада в Московском Центре Карнеги. 1996. С. 4; Стрелецкий В. Н. Этнотерриториальные конфликты в постсоветском пространстве: сущность, генезис, типы. Доклад, представленный в Московском Центре Карнеги. 1996. С. 6.
 18. Государственная политика России в конфликтных зонах (аналитические материалы). Центр этнополитических и региональных исследований. – М., 1994.
 19. Тишков В. А. Указ. соч. С. 322 – 353.
 20. Паин Э. А., Попов А. А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. 1990. № 1.
 21. См.: Стрелецкий В. Н. Указ. соч. С. 7.
 22. См.: Там же.
 23. Авксентьев В. А. Этническая конфликтология.– Ставрополь, 1996. Ч. 1. С.119.
 24. Желудков А. Бедствия России – беженцы. Бедствия беженцев – нищета // Известия. 1995. 19 апреля.